

На правах рукописи

ДОБРОХВАЛОВ Эдуард Олегович

**ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК XXI В. КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИИ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Научный руководитель – *Куликова Элла Германовна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Сегал Наталья Александровна*, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», профессор кафедры русского и общего языкознания);

Черкасова Марина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», доцент кафедры «Иностранные языки»).

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева».

Защита состоится 31 марта 2026 г. в 13:00 час. на заседании диссертационного совета 33.2.007.03 в ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» по адресу: 400005, г. Волгоград, пр-кт им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»: <https://www.vspu.ru>.

Автореферат разослан 20 февраля 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Шацкая Марина Федоровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящее время конфликтная коммуникация, наряду с коммуникацией образцовой и гармоничной, все чаще становится объектом как собственно лингвистических, так и междисциплинарных исследований. Однако категория вербального конфликта остается недостаточно изученной, а методология ее исследования разработана слабо. Диссертация строится на пересечении двух актуальных исследовательских направлений – лингвоконфликтологии и лингвоконтактологии: изучаются вербальные конфликты, обусловленные иноязычным влиянием на современный русский язык. **Актуальность** диссертации связана с объективной потребностью в осмыслении сути лингвистических конфликтов. Для лингвоконфликтологии значимо выявление и исчисление всех возможных конституентов конфликтогенности, и один из них – англоизация современного коммуникативного пространства – исследуется в данной работе. В последние годы чрезмерное заимствование англо-американизмов стало ощутимо входить в противоречие с важнейшими политическими и социокультурными обстоятельствами, и актуальной задачей представляется преодоление этого противоречия. Теоретически значимым видится то, что в работе предлагаются пути решения этой проблемы.

В качестве **объекта** исследования выступает англоизация русскоязычного коммуникативного пространства.

Предметом исследования являются все типы англицизмов, используемых в русскоязычных медийных текстах – ассимилированные и неассимилированные единицы (макаронизмы, иноязычные вкрапления), англоизированные единицы топонимики и эргонимики.

Цель работы состоит в исследовании и описании критериев англоизации русскоязычного коммуникативного пространства в аспекте современной лингвоконфликтологии.

Для достижения указанной цели потребовалось решение следующих **задач**:

- 1) выявить функциональный потенциал иноязычий в русском языке XXI века;
- 2) уточнить причины и следствия англоизации русского языка XXI века;
- 3) выявить факторы, определяющие конфликтный потенциал англицизмов;
- 4) исследовать специфику англоизации различных коммуникативных сред;

5) проанализировать роль СВО как катализатора изменений в русской лингвокультуре и значение идей «импортозамещения» («импортоочищения») для языка;

6) выявить роль прагматической информации об англицизмах в преодолении вербальных конфликтов.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды в области:

– когнитивной лингвистики и лингвопрагматики (Ю.Д. Апресян, С.Н. Бредихин, Вяч. Вс. Иванов, В.И. Карасик, Е.Е. Котцова, А.В. Кравченко, В.Р. Муравлева, Т.Б. Радбиль, И.Г. Родионова, В.М. Савицкий, Э. Сепир, Г.Г. Слышкин, Г.Г. Хазагеров, Т.А. van Dijk, D. Maillat);

– социолингвистики и лингвоконтактологии (Н.Д. Агафонова, В.М. Алпатов, И.В. Беляева, С.А. Бойко, У. Вайнрайх, А.Д. Васильев, Е.В. Гуляева, Н.А. Гуторова, А.И. Дьяков, В.М. Жирмунский, К.С. Захватаева, В.В. Ингул, А.А. Котлярова, Л.П. Крысин, М.А. Кулинич, Е.В. Маринова, М.А. Марусенко, М.Ю. Никитин, Вл. Новиков, М.В. Панов, Е.Д. Поливанов, Х. Пфандль, О.Б. Сиротина, Г.И. Тираспольский, Н.М. Усенко, Т.А. Хагров, D. Crystal, N. Fairclough, M.A.K. Halliday, V. Hansen, N. Langer, V. Pulcini, R. Phillipson, C. Rollason, G. Thomas, P. Tsagouria, E. Winter-Froemel);

– лингвоконфликтологии (В.В. Барабаш, О.В. Балясникова, Л.А. Брусенская, З.Б. Велиев, Т.А. Воронцова, Н.Д. Голев, Д.В. Дунас, Е.С. Кара-Мурза, С.Г. Кара-Мурза, А.С. Киндеркнехт, Н.Н. Кошкарлова, М.А. Кронгауз, Н.И. Леонов, В.Л. Литвин, В.И. Мозговой, Т.П. Соколова, Г.Г. Сондерс, Н.В. Уфимцева, М.П. Филиппова, П.Н. Хроменков, P. Aall, A. Barnhill, S. Chen, J. Darquennes, J. Habermas, M. Evans);

– медиакommunikации (В.В. Барабаш, Т.Г. Добросклонская, Л.Р. Дускаева, С.Г. Корконосенко, В.Г. Костомаров, Н.И. Клушина, С.А. Крылов, Э.Г. Куликова, А.Р. Лебедева, И.Б. Левонтина, В.А. Лукин, М.Л. Новикова, Н.Е. Петрова, А.В. Полонский, Л.В. Рацибургская, А.П. Сковородников, Г.Я. Солганик, Н.М. Цветова, Т.В. Шмелева).

Материалом исследования послужила авторская картотека, насчитывающая свыше 1000 примеров медийных текстов, в которых представлено удачное и неудачное (конфликтотенное) использование англо-американизмов на разных уровнях языка и речи (лексическом и грамматическом уровнях; на уровне речевых стратегий). Для анализа также привлекались медийные тексты, отражающие общественные дискуссии, посвященные проблемам англизации отечественной лингвокультуры в контексте современных информационных войн. Эта часть

картотеки составила свыше 500 примеров. Таким образом, **источниками** исследования стали популярные общероссийские газеты, такие как «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Аргументы недели», «Завтра», «Московский комсомолец», «Литературная газета». Медиадискурс дает материал реализации коммуникативных стратегий и тактик, связанных с информационно-психологическим противоборством, реализуемым на когнитивном уровне, и англицизмы непосредственно участвуют в этих процессах.

Методы исследования. Поскольку ставятся и решаются задачи не только дескриптивные, но и прескриптивные, связанные с оценкой перспективы тех или иных лексических единиц и категорий, были использованы следующие методы:

1) метод филологической герменевтики с подчеркнутой установкой на объяснение языковых фактов и социокультурных процессов, связанных с иноязычным заимствованием;

2) описательный метод (с приемами внутриязыкового сопоставления, социолингвистической и лингвопрагматической интерпретации англицизмов);

3) метод аксиологического анализа конфликтной коммуникации;

4) дефиниционный анализ в соединении с элементами трансформации и субституции.

Наиболее частотными актуализаторами конфликтных смыслов являются лексические единицы, и самыми очевидными маркерами конфликтного текста выступают элементы субстандарта – инвективы и обсценизмы. Иноязычные единицы до недавнего времени в качестве таких маркеров не рассматривались (чему были объективные причины). Сегодня, как показывает материал медийных дискуссий по проблемам современного русского языка, именно иноязычное влияние (точнее – англизация) представляется угрозой для публичной коммуникации. **Новизну** предлагаемой работы мы видим в том, что традиционная (может быть, даже «вечная») проблема иноязычного влияния рассмотрена в параметрах современной лингвоконфликтологии: повышенная конфликтность современной коммуникации проанализирована в одном из ее важнейших звеньев. Типичные конфликты, спровоцированные англо-американизмами, исследованы на материале новейших медийных источников. Сформулированы тенденции и перспективы дальнейшего развития языковой ситуации под влиянием новых политических и социокультурных условий. Обозначены условия достижения языкового суверенитета и предложены пути решения задачи оптимального лексикографирования новейших англицизмов.

Коммуникативные конфликты становятся важным компонентом анализа, потому что современную лингвистику интересует не столько язык в отрыве от его носителей и реальной жизни, сколько его функционирование в социуме. **Теоретическая значимость** работы состоит в том, что она позволяет продвинуться на пути постижения онтологии и гносеологии вербального конфликта, в разработке принципов описания ценностных коммуникативных конфликтов, в объяснении природы конфликтогенности иноязычных единиц и выработке рекомендаций по ее преодолению. Предложенные материалы и выводы позволяют внести вклад в развитие общей конфликтологии, лингвоконфликтологии и медиаконфликтологии. Исследование различных типов англицизмов существенно для лингвистической аксиологии. Теоретически значимо разграничение конструктивного и деструктивного процессов при языковых контактах.

Практическое применение результаты и материалы исследования найдут в вузовских курсах современного русского языка, риторики, культуры речи, а также медиалингвистики и лингвоконфликтологии, в спецкурсах по социалингвистике и лингвопрагматике. Языковой материал может стать важным источником для лексикографических описаний современного русского языка с расширенным представлением социалингвистической и прагматической информации. Материалы исследования могут быть использованы при изучении феномена «информационная война», для разработки средств противодействия информационному воздействию.

На защиту выдвигаются следующие **положения**:

1. В русскоязычной коммуникации с конца XX века обозначилась проблемная зона, связанная с небывалой прежде массовой англоизацией. В этих условиях актуальной стала выработка принципов новой коммуникативной культуры, ориентированной на языковой суверенитет как стратегический ресурс обеспечения национальной безопасности государства в рамках идеологического противостояния с «коллективным Западом».

2. Признание концептуализирующего влияния языка переводит проблему иноязычных заимствований из чисто лингвистической области в сферу идеологии и политики. Базой современного лингвокультурного и – шире – социального конфликта стала, с одной стороны, ксенофилия, проявляющаяся в сверхтолерантном отношении к влиянию английского языка, а с другой – оценка этого влияния как спланированной диверсии, направленной на подрыв ценностных основ обще-

ства. Конфликт обусловлен также противоположными представлениями о векторах движения русского языка (подчинение глобализационным процессам или ориентация на деглобализацию). Конфликт находит свое выражение в медийных дискуссиях, диагностирующих социокультурное противостояние.

3. Традиционные факторы конфликтогенности иноязычных единиц (агнонимия, агрессивная коммуникация и манипулятивность) в современных условиях дополняются противопоставлением ксенофилии и ксенофобии. С одной стороны, англицизмы воспринимаются как сознательное нарушение конвенциональных правил, с другой – как норма в условиях глобализации.

4. Маркерами дисгармонии и конфликтности могут быть все типы неассимилированных иноязычных единиц – макаронизмы, экзотизмы, варваризмы, иноязычные вкрапления; конфликтным потенциалом обладают нетранслитерированные онимы (единицы «малой топонимики»), эргонимы и маркировочные обозначения).

5. Аналитизация под влиянием английского языка нередко становится фактором конфликта: в ней видят даже «подрыв основ русской грамматики». Однако небывалое прежде распространение аналит-прилагательных, а также грамматическое заимствование (суффикс *-инг*, который русифицировался и стал морфемой русского языка) считаем фактами позитивной интерференции, поскольку влияние англизации в этом случае совпадает с тенденциями развития грамматической системы русского языка.

6. Поскольку важнейшими факторами предпочтения англицизмов в течение последних тридцати лет являются мода, престиж и повышение в ранге, актуальна проблема изменения мотивации речевого поведения в соответствии с новыми социокультурными, экономическими и политическими условиями в эпоху СВО.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена: обширной источниковедческой базой (для анализа привлечено 1500 медийных текстовых фрагментов); репрезентативной библиографией, включающей основополагающие труды по социолингвистике, лингвоконфликтологии и теории языковых контактов; использованием комплекса методов, адекватных цели и задачам исследования.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в форме докладов на следующих конференциях разного уровня: IX Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (Ростов-на-Дону, 2023); VII Между-

народной научно-практической конференции «Лингвокультурологические чтения»: «Актуальные проблемы лингвокультурологии в условиях современных вызовов: тренды и перспективы» (Москва, 2025); II Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский язык в современном научном и образовательном пространстве», посвященной 95-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной (Москва, 2025); Международной научно-практической студенческой конференции «Иностранные языки в современном мире» (Ростов-на-Дону, 2025); Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, посвященной 95-летию Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) «Новые направления научной мысли» (Ростов-на-Дону, 2025).

По теме исследования опубликовано 8 научных работ (общий объем 2,8 п. л.), в том числе 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование (общий объем – 191 с.) включает введение, три главы, заключение, список использованной литературы (398 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования; определяются объект, предмет, цель и задачи диссертационной работы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость; характеризуются методы анализа языкового материала; формулируются положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «**Конфликтное функционирование языка как объект междисциплинарной науки**» определяется соотношение понятий «конфликтология» и «лингвоконфликтология», их объем и точки пересечения. Достигнуто понимание того, что конфликт не обязательно несет только деструкцию: происходит «постепенное изменение в оценке конфликта: конфликт начинает рассматриваться как естественное явление, которое не обязательно проявляет себя со знаком “минус”. В отношении разного рода конфликтов наблюдается поворот к позитивным и конструктивным сторонам исследуемого явления» (Киндеркнехт, 2022: 2). То есть конфликт признается разновидностью нормы в отношениях между людьми. Общая конфликтология включает в себя несколько частных разделов: политическая, педагогическая конфликтоло-

гия, межэтническая, юридическая конфликтология и лингвоконфликтология, изучающая лингвистические (речевые, вербальные) конфликты.

В ведении лингвоконфликтологии находятся те конфликты, причиной которых оказываются языковые единицы. Самыми частотными конфликтогенами являются единицы субстандарта (просторечие, жаргон), инвективы и обценнизмы. Но конфликтогенами могут стать единицы всех уровней – лексемы (главным образом пейоративы), грамматические формы (множественное сенсационное, антономасия на основе числа или феминитивы). Последние два десятилетия дали пример конфликтности на базе непарадигматической грамматики – первообразных предлогов, лишённых номинативного содержания: *в Украине – на Украине*.

М.А. Кронгауз справедливо отметил, что «...ненависть к слову – это ненависть к стоящему за ним социальному типу: молодежи (молодежный сленг), малообразованным людям (просторечие), простому народу (уменьшительные суффиксы), молодым мамам (“мамский” язык) и т. д. В стилистических конфликтах ярко проявляется столкновение представителей “высокой” культуры, недовольных чужой речью, то есть выступающих инициаторами конфликта, и носителей народной или какой-либо маргинальной культуры. <...> Речевой характеристикой человека оказывается не только то, какие слова он употребляет, но и какие слова он ненавидит» (Кронгауз, 2025: 173). То есть вербальные конфликты дают материал для языковой стратификации общества, для анализа речевых предпочтений разных слоев общества.

В отдельном параграфе рассмотрены глобализационные процессы как фактор конфликтогенности. В настоящее время отмечается неоднозначность трактовок глобализации и общей оценки этого явления. Помимо позитивной ее роли в качестве фактора демократизации и межкультурной интеграции, отмечается роль глобализации как инструмента неоколониальной гегемонии. Растет неприятие гомогенизирующего влияния массовой культуры: ср. иронизмы типа *макдональдизация* или *гамбургеризация* и т. п. Экспансия западного масс-культы подрывает локальные идентичности, ведет к стандартизации и универсализации западных ценностей.

По понятным причинам после распада СССР чрезвычайно велико было влияние английского языка в бизнес-коммуникации, во всех секторах инновационной экономики, в политике и культуре. На этом фоне заметно расширилось преподавание в школе английского языка. И до самого недавнего времени активно обсуждались предложения по еще

большему его расширению. Ср. формулировку «выход из гетто русского языка» как часть «модернизации России» в статье И.Г. Яковенко «Образование новой России», опубликованной в «Новой газете» 16 марта 2012 г. Дискутировалась возможность включения английского языка (не вообще иностранного, а именно английского) в перечень обязательных предметов для сдачи ЕГЭ. Но в сентябре 2022 г. Басманный суд Москвы на основании иска Роскомнадзора аннулировал у «Новой газеты» лицензию СМИ в России, бывший главный редактор Дмитрий Муратов, внесенный Минюстом РФ в реестр иноагентов, покинул страну. Ср.: «Идея престижа латинизированных языков, которая так долго у нас поддерживалась, не прошла бесследно (не арабица же у нас преподносилась престижной, как и не иероглифы). Результат – сентябрь–октябрь 2022 года, толпы людей, уехавших от мобилизации. И явление, которое мы называем иноагентством, – тоже продукт этой деятельности» (Интервью с И. Анненковой «Сбережём язык – защитим сознание» // Аргументы недели. 2025. № 26. С. 3).

Россия выбрала путь самостоятельного развития, духовного, культурного и языкового суверенитета. И сегодня обсуждается вариант включения в перечень обязательных предметов ЕГЭ истории – науки, «которая делает человека гражданином». Массовое распространение английского языка ассоциируется с худшими проявлениями глобализации – с навязываемой массовой культурой, с культурной стандартизацией. Поэтому на повестке дня вопрос о кризисе либерального миропорядка и деглобализации как возможности для народов мира освободиться из-под гегемонии англоязычного мира и обрести свой путь независимого развития. Как известно, Евросоюз из экономической организации дрейфует в сторону организации военной, причем враждебной России. Если прежде для многих главным было то, что западный мир – эталон высокого уровня жизни и исключительно развитого потребления, то сегодня гораздо важнее очередной пакет санкций Евросоюза против России, откровенная русофобия и военная помощь Киевскому режиму.

Все отчетливее становится понимание того, что языковая экспансия есть метод внедрения в этническое сознание народа, подвергшегося экспансии, чуждых стереотипов и ценностей. Это делается завуалированно – под прикрытием внедрения новейших технологий или приобщения к общим культурным ценностям. Но это вмешательство в ментальный мир, которое будет иметь следствием идеологическую, политическую и экономическую зависимость. Вытеснение русского

языка через систему средств глобальных коммуникаций и массированный приток англо-американизмов в русский язык выполняют разрушительную функцию. В этих условиях как никогда прежде возрастает роль языковой политики. Являясь частью общей политики, она направлена на обеспечение языковой безопасности, на защиту языка от опасных воздействий, определяемых глобализацией. Проблемы языковой политики сегодня имеют геополитическую значимость. Доказано, что, вторгаясь в пространство иных стран, глобальный английский не только изменяет лексический состав, но задает идеологический вектор лингвистической концептуализации событий, формирует ценностную картину мира. Гибридная война, которая ведется сегодня против России, составной частью имеет информационную войну – вербальную уже прежде всего.

Англизация языков мира есть проявление «технологии обеспечения гегемонии над миром через тотальный контроль за информационным полем и навыками восприятия мира» (Ильницкий, 2024: 5).

Итак, языковыми конфликтогенами признаются разноуровневые ресурсы языка, которые регулярно «создают конфликтную ситуацию и переводят ее в стадию вербализованного противостояния» (Семенец, 2021: 71). К таким ресурсам, безусловно, относятся и новейшие заимствования, главным образом – англо-американизмы. До тех пор, пока перемены в языке соответствовали общему курсу на «встраивание» в мир «общечеловеческих ценностей», к экспансии англицизмов относились терпимо. Эту экспансию считали неизбежной, тем более что сходные процессы были и в других странах. Реальностью стали глобализмы – «слова, сходные в фонетическом (и / или графическом) отношении и совпадающие по значению (полностью или частично) в глобальном и глобально значимых (субглобальных) языках» (Косырева, 2022).

В то же время многие лингвисты, писатели, общественные деятели не считали англизацию закономерной и благотворной. Ср., например, многочисленные публикации Б. Евсеева и Ю. Полякова с их идеями «добиться реальной, а не мнимой ответственности за порчу языка» (Б. Евсеев. «Язык творит историю» // Литературная газета. 2022. № 51. С. 2), «создать экспертную организацию, отслеживающую и пресекающую неуместные заимствования из того же английского, помогающую найти русские эквиваленты в запасах родного языка» (Ю. Поляков. Интервью газете «Моя семья», 28 марта 2022 г.).

В работе: (Кронгауз, 2025) отмечается, что отечественная лингвоконфликтология имеет три ответвления: первое тяготеет к лингвопраг-

матике и основывается на понятиях коммуникативного сбоя и коммуникативной неудачи. Нередко это направление именуется «речевой конфликтологией», в то время как лингвоконфликтологией чаще называют другую разновидность, которая тяготеет к судебной лингвистической экспертизе, а также к оценке конфликтов в современных медиа. Наконец, третье направление, которое логично именовать социолингвистическим, сосредоточено на тех конфликтах, в основе которых лежит многоязычие. Заметим, однако, что рассматриваемые нами конфликты имеют отношение ко всем трем разновидностям, поскольку использование англицизмов может быть справедливо квалифицировано как: 1) коммуникативная неудача; 2) объект лингвистической (лингвоюридической) экспертизы; 3) конфликт в ситуации языковых контактов. Мы не подвергаем сомнению правомерность трактовки типов лингвоконфликтологии в работе М.А. Кронгауза, однако пример с англоязычными заимствованиями в современном русском языке показывает, насколько близки и взаимосвязаны выделяемые разновидности.

С 2014 г. и тем более после начала СВО лингвотолерантный период очевидным образом закончился и рассуждения о том, что постоянное пополнение английскими заимствованиями словарного состава родного языка есть неизбежное следствие социально-культурных и экономических процессов общемировой интеграции, уже неубедительны. Типично представление англицизмов в синтагмах с перечислением самых больших опасностей для современной коммуникации – инвективизации речи, засилья единиц грубого просторечия, функциональной неграмотности. Сегодня в медийную сферу вернулись слова из советского прошлого о «западничестве», «низкопоклонстве» перед Европой и США, которое проявляется в использовании огромного числа англицизмов. Многие авторы медийных материалов (М. Артемьев, Б. Евсеев, А. Кондрашов, Е. Кругликова, Д. Попов, А. Марков и мн. др.) рассматривают процесс массированного вторжения заимствований как часть настоящей информационной войны.

В главе 2 **«Ценностный подход к проблеме заимствований и современные вербальные конфликты»** отмечается, что лингвоконфликтологию, вызванную к жизни кризисными проявлениями русского языка, не может не интересовать такой очевидный дефект современной речи, как чрезмерные иноязычные (главным образом англоязычные) элементы (причем не только в сфере лексики, но также в сфере этикетных формул и – шире – речевых стратегий). Эксплицитная и имплицитная англогенность формирует такие конфликтогенные явления,

как агнонимия, агрессивная коммуникация и манипулятивность. Типичные агнонимические ситуации возникают под влиянием социокультурных обстоятельств, в нашем случае – под влиянием неконтролируемого, массированного проникновения англицизмов. Частичная агнонимия, когда имеется иллюзия понятности, порождает разного рода коммуникативные неудачи и даже конфликты.

Агрессивная функция англицизмов в дискурсе может быть установлена не анализом форм или жанров, а с учетом плана содержания – имплицитных агрессивных смыслов. Агрессивность, как правило, препятствует осуществлению основных задач эффективной речевой коммуникации, поэтому сформировались сценарии контрагессии.

«Манипуляция означает недостаточность или чрезмерность одного содержательного компонента относительно другого в речевом знаке» (Погорецкая, 2022: 11). При таком подходе само изобилие англицизмов в лингвокультуре правомерно характеризовать как манипуляцию общественным сознанием. Давно замечено, что для манипуляций не используются слова с прозрачной семантикой, сформировавшейся прагматикой и, наоборот, для «напускания тумана» хорошо подходят семантически расплывчатые слова. В русском языке расплывчатая семантика и несформировавшаяся прагматика характерны для новейших англицизмов.

Перлокутивный эффект новейших англицизмов нередко состоит в создании конфликтной ситуации, и это находит отражение в многочисленных медийных дискуссиях о мере англицизмов в русской речи. Немотивированное использование иноязычных элементов может служить не столько целям номинации, сколько целям агрессивного воздействия на реципиента и может спровоцировать реальные конфликты, которые переводятся в правовую сферу. Если понимать агрессию как действие, нацеленное на причинение ущерба, то массированное использование англицизмов как орудия русофобии вполне подпадает под такое определение.

Сам переизбыток англицизмов в отечественной лингвокультуре правомерно характеризовать как манипуляцию общественным сознанием. В манипулятивных целях используются прежде всего неассимилированные единицы с размытой семантикой, не обладающие внутренней формой в принявшем языке. Важнейшим признаком манипуляции является скрытное воздействие, и новейшие англицизмы, лишённые образности, парадигматических и синтагматических связей в языке-рецепторе, чаще всего используются для манипуляций. Являясь

неотъемлемой частью современных информационных войн, вербальные манипуляции с использованием англицизмов способны осуществлять настоящие диверсии в информационно-духовной сфере и скрытые операции по дестабилизации обстановки.

К концу 10-х гг. XXI в. стало понятно, что духовная составляющая нашего общества подверглась хорошо спланированной подрывной деятельности, а распространение английского языка стало главным средством формирования англосаксонских ценностных ориентиров и важнейшим инструментом идеологической войны. Традиционное понимание языковых контактов и их нейтральная оценка, согласно которым язык-рецептор, сообразно со своими внутренними потребностями, обогащается за счет заимствуемых элементов, оказались не отражающими современные реалии, потому что язык-донор может играть агрессивную роль, особенно в условиях неспособности противостоять влиянию, в условиях отсутствия внятной языковой идеологии и политики. Произошла маргинализация русского языка, которая проявилась в снижении роли собственных языковых ресурсов в формировании личности человека.

Англицизмы в условиях СВО и противостояния «коллективному Западу» являются фактором различных манифестаций ценностного конфликта. События на Украине стали «точкой невозврата» в практике использования англицизмов: то речевое поведение, которое было вполне приемлемым прежде, оказалось противоречащим целям и духу СВО. Избыточное заимствование, продиктованное не языковыми (коммуникативными) причинами, а идеологией «встраивания» в европейский мир, стало осуждаемым не только в публичном пространстве, но и на уровне законодательных актов. Переизбыток иноязычных единиц стал пониматься как показатель лингвистической зависимости. А поскольку национальный суверенитет немислим в том числе и без лингвистического суверенитета, необходимы меры «лингвистического импортозамещения» или «импортоочищения». Именно импортозамещение и импортоочищение становятся мощным фактором развития всех сторон жизни нации – экономики, политики, культуры и языка. То речевое поведение, которое было вполне приемлемым прежде, оказывается невозможным в новых условиях. Если в конце 90-х – начале 2000-х гг. макаронизмами английского происхождения, которые были у всех на слуху, обозначались полезные вещи (шампунь *Head@Shoulders*), то теперь ими называются ракеты натовского производства – *HIMARS*, *TAURUS*, *ATACMS*. «Мы сейчас английский изучаем по названиям ра-

кет, которые летят по нашим парням на передовой и по мирным городам» (А. Новиков «О политике, войне и шоу-бизнесе» // Аргументы недели. 2024. № 23). В этих условиях вполне закономерными стали изменения в общественном сознании россиян, взгляды на роль национальной идентичности и языкового суверенитета в достижении результатов СВО. Ср. и такое важное наблюдение: «... нельзя не отметить неприятие иностранной речи участниками СВО, вернувшимися с фронта. Даже музыкальные англоязычные произведения вызывают у них раздражение и агрессию. И их можно понять, так как “язык врага”, который они слышали там, в зоне СВО, и тот же язык в музыкальных композициях, звучащих на радио здесь, – вещи для них несовместимые» (Шишкина, 2024: 75). В нашем искусстве, прежде всего – в советском кинематографе, отражено сходное отношение рядовых граждан к немецкому языку во время Великой Отечественной войны (ср. фильмы «Я родом из детства», «На войне как на войне», «Путь в «Сатурн» и др.). Но и во время войны с фашистской Германией никто не отменял на государственном уровне ни немецкий язык в школах, ни европейскую культуру (ср. современную откровенную русофобию и политику «отмены России» в странах Запада).

Многие ученые и публицисты увидели в СВО восстание РФ против неокOLONиальной политики стран Запада с их «миром, основанным на правилах». И общество ощутило потребность в «языке сопротивления» (Сковородников, Копнина, 2022: 39). Кардинальный перелом в общественном сознании находит отражение и в практике использования иноязычных слов. Во время СВО стало нетерпимым то, с чем прежде мирились и даже оправдывали, – избыточное заимствование, продиктованное не языковыми (коммуникативными) причинами, а идеологией «встраивания» в европейский «цветущий сад». Над этой метафорой из печально знаменитой речи Жозефа Борреля многократно иронизировали многие медиа (например, А. Бобровский в ток-шоу В. Соловьёва сказал, что «по этому саду райскому, можно сказать, вишнёвому, конечно, уже звонит колокол: его уже рубят» (Вечер с Владимиром Соловьёвым, 20 февраля 2025 г.).

В главе 3 **«Ценностный конфликт и типы лексических заимствований»** отмечается, что важной характеристикой последних трех десятилетий было не мотивированное разумной функциональностью использование иноязычных единиц. Отечественная эргонимия до сих пор страдает «болезнью» подражательства и «графогибридизации». Эта «болезнь» сопровождала русскую лингвокультуру на протяжении дли-

тельного периода, но особенно явной она стала после 1991 г. Сегодня такая стратегия уже превратилась в тормоз успешного развития. Городская искусственная ономастика постепенно избавляется от англизации.

Медиа, профессиональные языки, терминосфера науки также подверглись массивированному влиянию английского языка. Однако сегодня достигнуто понимание того, что дерусификация науки подорвет позиции русского языка на постсоветском пространстве – он не сможет выиграть в конкуренции с английским как языком с наиболее высокой мотивацией к его изучению.

Отдельный параграф посвящён прагматической информации в лексикографии и её роли в преодолении вербальных конфликтов. Принятые Госдумой поправки к Закону о государственном языке РФ (ФЗ от 28.02.2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”») предполагают значительное сокращение в публичном пространстве англицизмов. Для претворения в жизнь этой установки предполагалось создать линейку словарей, фиксирующих современную лексическую норму – без излишних неоправданных англицизмов. Хотя в обществе идеи избавления от навязанных англицизмов были широко поддержаны, изменения не наступили везде и сразу. То же в лексикографии. Ср. замечания председателя комитета Государственной думы по культуре Е. Ямпольской по поводу нового издания орфографического словаря: «Ради чего уважаемые коллеги ежегодно пополняют Русский орфографический словарь РАН то фудшерингом, то пауэрбанком, искренне не понимаю: не следует на академическом уровне нормативно закреплять англицизмы, которые в основном засоряют русский язык» (Советская Россия, 11 августа 2025 г.).

Думаем, что нам нужны не просто новые списки слов, имеющих / не имеющих аналоги, а словари с развернутыми прагматическими характеристиками. И эта информация поможет разграничивать иноязычные вкрапления, имеющие эстетическую функцию, расширяющие смысловые границы дискурса со сложной «многослойной» структурой (Урсул, 2012), от иноязычия, которое используется с коммерческой целью, для повышения престижа и ранга. Наша лингвистическая публицистика (например, многочисленные труды Вл. Новикова – «Роман с языком», «50 свиданий с русской речью», три издания «Словаря модных слов»), многие тексты И.Б. Левонтиной, Е.Я. Шмелёвой, М.А. Кронгауза и многих других популяризаторов лингвистических знаний дают богатый материал для таких рекомендательных изданий. Конечно, не-

избежны различия в оценках нужности англицизмов даже в профессиональном сообществе. Но давно известно, что «норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников» (Истрина, 1948: 19). Думаем, эти два критерия могут помочь и в разграничении полезных (нормативных или имеющих шансы стать таковыми) заимствований и тех, которые в современных условиях нежелательны. Во всяком случае, ясно, что время, когда было возможно бездумное и безответственное употребление иноязычных единиц, прошло.

Существует распоряжение Правительства России № 1102-р от 25 апреля 2025 г., которое указывает на четыре конкретных словаря, в которых закладываются верные варианты русского языка как государственного: 1) Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации (разработчик – федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук); 2) Орфоэпический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации (разработчик – федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук); 3) Словарь иностранных слов (разработчик – федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт лингвистических исследований Российской академии наук); 4) Толковый словарь государственного языка Российской Федерации (разработчик – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»). В конце 2025 г., когда указанные словари были предъявлены читателям, разгорелась острая дискуссия (Литературная газета, №№ 38, 40, 43, 44); ср. названия статей «Русская суть языка. Куда она пропала из Национального словарного фонда», «Словарь тревоги нашей», «Мелочи додумайте сами» и подзаголовки «Делали наспех и сделали на смех», «Бестолковый толковый», «В контре к языку литературному», «Вселенная в алфавитном порядке или хаос произвола?», «Подмена понятий», «Твоя моя не понимай». Недоумение вызвало слово «государственный», вынесенное в заголовок, тем более что из-за него пришлось убрать слово «русский». Ситуация называлась беспрецедентной: «выходит словарь языка, и при этом не указывается, словарём какого языка он является» (Литературная газета. 2025. № 44. С. 5). Новые словари обвиняются в торопливости, неряшливости и не тщательности. Так что они вряд ли решат и главную проблему – однозначно установят приемлемые англицизмы и устранят неприемлемые.

По нашему мнению, задача создания единого словаря, в котором будут устранены англицизмы, имеющие аналоги, в своей основе поставлена некорректно. В традициях отечественной лексикографии было идущее от работы Л.В. Щербы (1940) противопоставление нормативных словарей и словарей-справочников, и, как считал Л.В. Щерба, оба словаря ценны и выполняют свои задачи. Справочники представляют все фактологическое богатство, а нормативные словари дают материал, максимально снабженный всеми типами лексикографической информации и рекомендуемый к употреблению в соответствии с этими сведениями. Сегодня нужны как минимум два словаря иноязычных слов (причем разумнее остановиться на заимствованиях последних десятилетий, потому что давно и прочно вошедшие в русский язык иноязычия уже давно охарактеризованы в общих толковых словарях) – дескриптивный (справочник) и прескриптивный (нормативного типа). Первый даст максимально полный охват иноязычной лексики и будет полезен для понимания максимально широкого круга общих и специальных текстов. И прагматическая информация должна быть в нём максимально широкой (в противном случае этот словарь ничем не будет отличаться от справочных материалов, доступных каждому в интернете). Второй – прескриптивный, предписывающий, обязательный, нормативный, также снабженный максимально полной прагматической информацией. Прагматическая информация должна базироваться на идеях активного словаря, на принципах лексикографического и социолингвистического портретирования лексем. Такой подход к лексикографированию поможет предотвратить вербальные конфликты. Важно, чтобы прежняя неумеренная ксенофилия не сменилась тотальной ксенофобией, ксенофобным пуризмом: оправданные заимствования, которым нет аналогов в русском языке, конечно, должны оставаться в общем употреблении.

Последний раздел третьей главы называется «Англицизмы и позитивная интерференция». Интерференцией считают любые структурные изменения языков в результате их контакта, но чаще имеют в виду негативные результаты, которые нужно преодолевать. Если интерференционные ошибки хорошо изучены и выработаны рекомендации по их искоренению (есть списки языковых единиц, которые при контакте способны спровоцировать ошибку и т. п.), то конструктивная интерференция практически не исследована. Понятие конструктивной интерференции появилось сравнительно недавно и признает-

ся далеко не всеми исследователями. Но если любой язык есть открытая система, то он неизбежно вступает в многочисленные связи, и они могут оказать воздействие благотворное, позитивное, а не разрушительное и негативное. В интерференции (при таком понимании) находят отражение многие изменения и процессы, которые имеют место в обоих контактирующих языках. Грамматическая интерференция осуществляется с опорой на концептуальное содержание грамматических форм и категорий. К проявлениям позитивной интерференции мы относим грамматические заимствования и усиление аналитических тенденций в русском языке.

Самый яркий пример грамматического заимствования из английского языка – суффикс *-инг*. Формы с этим суффиксом часто используются для создания языковой игры, причем, как правило, реальные слова (часто терминологического или околотерминологического характера) противопоставляются искусственным единицам с русским корнем, созданным по той же модели. Хотя при наличии большого количества иноязычных слов с повторяющимися формантами можно произвести их морфемное членение и выявить заимствованные морфемы (*-мент*: *менеджмент, импичмент, харассмент*; *-ер*: *блендер, миксер, электрошокер* и мн. др.), однако только суффикс *-инг* правомерно отнести к грамматическим заимствованиям. Он подвергся русификации и стал продуктивным средством словообразования в языке-рецепторе. И не случайно ряд авторов (Дьяков, 2013; Беляева, 2019) видит в этих формах «элиминирование грамматико-словообразовательных (а нередко и эмотивных) лакун», то есть проявление системности (точнее – восстановление недостающих единиц системы).

Другое проявление позитивной интерференции – именная аналитизация. Это явление иногда называют «подрывом основ» (см. работы А.В. Кравченко, С.А. Бойко), однако, помимо англизации, на упрощение класса аналит-прилагательных повлияли и внутренние причины. Ср.: «Скрытую опасность для русского языка таит калькирование грамматических структур, подрывающее основы русского синтаксиса. Двусоставные наименования, созданные по типу простого сложения без свойственного русскому языку морфолого-синтаксического оформления, в которых оба элемента являются существительными, но один выполняет функцию определения, а другой – определяемого слова, нетипичны для русского языка. Подобные словообразовательные модели являются калькой английских структур: интернет-класс, интернет-

платеж, интернет-пресса; арт-сцена, арт-тусовка; веб-обозреватель, веб-представительство, веб-устройство» (Зыкова, 2015: 43). Неясно, однако, в чем именно состоит опасность таких номинаций. Думаем, что такие номинации – это наиболее явное проявление аналитизма, это именно аналит-прилагательные (в понимании М.В. Панова). На наш взгляд, подобные факты демонстрируют продуктивность идей М.В. Панова: категория аналит-прилагательных стала супермногочисленной и в этом отношении не уступает другим знаменательным частям речи, так что ее представление во всех типах грамматик (в том числе и в школьных) было бы вполне правомерным. Это разнородная группа, в которую входят аббревиатуры (в том числе нетранслитерированные), однозначные слова с различной семантикой. Характерна синтаксическая мобильность многих слов, которые могут выступать в роли аналит-прилагательных и в функции определяемых слов для других аналит-прилагательных. Впрочем, категориальная (частеречная) полифункциональность (*больной* – прилагательное и субстантив) – явление распространенное в русской грамматике.

Есть, однако, иные взгляды на природу этого грамматического феномена. Так, А.А. Горбов пишет, что это единицы (примеры их вынесены в название его статьи – «Топ-метод экспресс-номинации эконом-класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине») «неясной уровневой принадлежности», что они занимают промежуточное положение между основной и самостоятельным словом, это «компози́ты, имеющие структуру английских именных групп с препозитивным примыкающим определением, чаще всего выраженным существительным» (Горбов, 2010: 35). То есть категориальное значение этих элементов не определяется на том основании, что они занимают «промежуточное положение». Таким образом, предлагается вернуться к стадии 60-х гг. XX в., когда словари не указывали часть речи, а определяли только синтаксическую функцию таких слов – неизм. атрибу́т, в знач. неизм. прил. и под.

Конечно, активизация таких конструкций, которые иногда называют «компози́тами» (Дьяков, 2015), произошла под значительным влиянием английского языка, но это не деструктивный процесс. Позитивные стороны аналитического способа выражения грамматических значений хорошо известны и широко признаны. Это, прежде всего, соответствие принципу экономии языковых и мыслительных усилий, лаконичность средств выражения и динамизм высказывания с этими компо-

нентами. И по сути, влияние английского языка в этом случае сводится к активизации тех средств кодирования грамматической информации, которые исконно присущи самому русскому языку (ср. фольклорные образы типа *краса-девица* и свойственную русскому языку на ранних этапах его развития недифференцированность имени, способного выступать и в качестве атрибута; ср. также глагольный аналитизм, изначально присущий русской грамматической системе).

Анализ влияния английского языка привел к выводу, что обеспеченное им грамматическое заимствование (суффикс *-инг*, который русифицировался и стал морфемой русского языка), а также небывалое прежде распространение аналит-прилагательных можно отнести к фактам позитивной интерференции, а вовсе не к «подрыву основ русской грамматики», поскольку это влияние англизации совпало с собственными тенденциями развития грамматического строя.

В **заключении** подведены итоги исследования, представлены выводы, а также сформулированы перспективы исследования. Актуальной задачей является формирование новой коммуникативной нормы, основанной на разумной функциональности и имеющей приоритетом собственные языковые средства, изменение мотивации речевого поведения вообще и в сфере использования иноязычных единиц в частности.

Масштаб англизации в нашей стране заставил пересмотреть традиционное понимание заимствования как одного из важнейших способов обогащения любого языка. Массированная англизация стала несовместимой с экологическими параметрами функционирования языка, согласно которым человек должен жить в комфортной языковой среде, не чувствовать себя в ней униженным и «второсортным». Избыточные англицизмы порождают агномию и ущербную коммуникацию, нередко используются с манипулятивными целями. Предпринимаемые сегодня действия государства (принятые Госдумой поправки к Закону о государственном языке РФ) и общественные инициативы направлены на изменение ситуации и достигаемый на основе их использования прагматический эффект. Перспективой исследования видится дальнейшее изучение процессов гармонизации коммуникативного пространства под воздействием не только принятых законодательных мер, но и усилий всего гражданского общества, заинтересованного в языковом и культурном суверенитете.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. Доброхвалов, Э.О. Инновации в современном русском языке, спровоцированные влиянием английского языка / Э.О. Доброхвалов // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 129–133 (0,6 п. л.).
2. Доброхвалов, Э.О. Англицизмы в современном русском языке как объект лингвоконфликтологии / Э.О. Доброхвалов // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2025. – № 3. – С. 128–131 (0,7 п. л.).
3. Доброхвалов, Э.О. Экспансия англицизмов и проективный подход к языку / Э.О. Доброхвалов // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2025. – № 4. – С. 205–208 (0,7 п. л.).

Статьи в сборниках трудов и материалов научных конференций, других научных изданиях

4. Доброхвалов, Э.О. Правовые культурные нормы в контексте цифровизации медийного пространства / Э.О. Доброхвалов // Путь в науку: материалы IX Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Ростов-на-Дону, 20–21 апреля 2023 г. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2023. – С. 57–59 (0,1 п. л.).
5. Доброхвалов, Э.О. Динамика медийных дискуссий об англицизмах в русском языке / Э.О. Доброхвалов // Актуальные проблемы лингвокультурологии в условиях современных вызовов: тренды и перспективы: материалы VII Международной научно-практической конференции «Лингвокультурологические чтения», Москва, 2–3 октября 2025 г. – Москва: РУДН им. Патриса Лумумбы, 2025. – С. 87–88 (0,2 п. л.).
6. Доброхвалов, Э.О. Англицизмы как объект авторской рефлексии / Э.О. Доброхвалов, Э.Г. Куликова // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сборник тезисов Международной научной конференции, посвященной 95-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной, Москва, 22–23 октября 2025 г. –

Москва: РУДН им. Патриса Лумумбы, 2025. – С. 164–170 (0,25 п. л., авт. – 0,1 п. л.).

7. Доброхвалов, Э.О. Англицизмы в современной коммуникативной ситуации: метаязыковая функция / Э.О. Доброхвалов // Иностранные языки в современном мире: материалы Международной научно-практической студенческой конференции, Ростов-на-Дону, 26 ноября 2025 г. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2025. – С. 886–888 (0,2 п. л.).

8. Доброхвалов, Э.О. Иноязычные заимствования в современном коммуникативном пространстве и коренной перелом в общественном сознании / Э.О. Доброхвалов // Новые направления научной мысли: материалы Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 17 декабря 2025 г. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2025. – С. 118–122 (0,2 п. л.).

ДОБРОХВАЛОВ Эдуард Олегович

ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК XXI В. КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКОНФИКТОЛОГИИ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 29.01.26. Формат 60х84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27